

Глава 9. Почти у цели

На лазурном небосклоне забрезжил рассвет, и чистые, точно ключевая вода, утренние лучи залили землю. В лицо веяло бодрящей свежестью. Цзян Чаншэн, не сдержавшись, протяжно зевнул.

Сейчас он вместе с тремя подопечными восседал на спине Цюнци, возвращаясь к горе Небесного Императора. Зверята, пережив незабываемую ночь на горе Юйцышань, казалось, сблизилась еще сильнее. И пусть после ночных приключений вид у всех троих был довольно потрепанный, они увлеченно резвились: в знак дружбы то и дело потчевали друг друга тумаками по макушке или в шутку впивались зубами в чужие хвосты — так, что порой летели клочья шерсти.

Улов за эту ночь выдался богатый. Помимо множества пойманных рыб-птиц, у них были яйца и дикие плоды, полученные от Луань-няо, а также набитые до отказа мешки, которые троица притащила с горы Юйцышань. Там, кроме нефрита, нашлись и безымянные магические артефакты — судя по всему, отобранные у тех самых обезьян-сяо.

Грабители сами оказались ограблены; Чаншэн уже и сам не понимал, кто в этой истории настоящий разбойник. Малыши отлично справились, хоть им и пришлось несладко, поэтому он твердо пообещал устроить им по возвращении настоящий пир.

Сонливость накатывала волнами, но Чаншэн заставил себя взбодриться и мысленно вызвал Сяо Цан, чтобы проверить интерфейс системы. В его «Дневнике Гор и Морей» зажглось уже десять отметок. Оставалось принять последних сорок посетителей, и задание будет выполнено.

Вот только на горе Небесного Императора людей почти не бывает... Откуда взяться новым клиентам?

Пока он предавался этим раздумьям, Цюнци уже начал снижаться. С высоты Чаншэн увидел ряды изумрудных деревьев, окутанных легкой дымкой, в которой дрожали золотистые блики. Но помимо природы, он заметил на склоне горы десятки человеческих фигур. Мужчины и женщины в даосских робах и небесных одеждах стояли на ветру; их облик и манеры выдавали в них неординарных личностей.

«С каких это пор на гору Небесного Императора забредает столько практиков?»

Приглядевшись к знакомым силуэтам, Чаншэн приободрился. Группу возглавляли Ли Хунгуан и Дунфан Хаожань, которые, судя по всему, ждали здесь уже давно. Хаожань, снедаемый тревогой, мерил шагами землю, когда в небе послышался свист ветра. Вскоре показался грациозный духовный зверь, приближение которого принесло с собой ауру поистине подавляющей мощи.

— Лавочник Цзян вернулся, — Ли Хунгуан слабо улыбнулся.

Окружающие практики разом посмотрели в небо. Будучи учениками ордена Сокровенного Духа из Центрального Божественного Округа, они были далеко не слабы: почти все присутствующие достигли стадии Золотого Ядра и выше, а потому без труда разглядели приближающегося гостя.

— Это и есть даос Цзян? Он и впрямь скрывает свою истинную силу под маской низкого ранга. Сразу видно великого мастера древних времен — скромн и полон внутреннего достоинства.

— Посмотрите на этих трех зверей рядом с ним. Какая мощь! Боюсь, мне пришлось бы выложиться до конца, чтобы выстоять против них. Обуздать столь опасных тварей под силу лишь выдающемуся бессмертному.

— Погодите... Неужели вы не заметили, на ком они верхом? Если я не ошибаюсь, это... Цюнци?
— пролепетал Дунфан Хаожань, и голос его дрогнул.

Имя Цюнци было овеяно столь зловещей славой, что после этих слов вокруг воцарилась гробовая тишина.

— Неужели великий Цзян... укротил самого Цюнци и сделал его ездовым животным?

— Это, конечно, впечатляет, но вдруг Цюнци сорвется? Мне не по себе...

— Ты не одинок в своих страхах.

— Тсс! Хватит болтать, не хватало еще обсуждать такое в присутствии мастера.

Едва Чаншэн коснулся земли, как на него посмотрели десятки людей с серьезностью и почтением. Ли Хунгуан, стоявший впереди, улыбался, но улыбка эта казалась слегка натянутой.

Оно и понятно: он отсутствовал так долго, что бедные клиенты, должно быть, истомились. Как владельцу заведения, ему следовало извиниться.

— Прошу прощения, господа. С утра возникли неотложные дела, вот и задержался.

Пока он говорил, Цюнци принял человеческий облик. Окутанный одеянием с приглушенным блеском, он тряхнул гривой черных волос. Когда он обвел толпу ледяным взором, практиков пробрала дрожь; многие непроизвольно крепче сжали рукояти мечей.

— Лавочник Цзян слишком вежлив.

— Для нас честь — дожидаться вашего возвращения.

— О, вы могли бы прийти и позже, мы бы никуда не ушли.

Чаншэн опешил. «Надо же, какие вежливые и обходительные люди эти практики».

Он направился к своей хижине, приглашая гостей:

— Проходите, присаживайтесь. Внутри немного тесно и бедновато, так что не обессудьте.

Толпа не шелохнулась. Крепко сжимая мечи, они напряженно глядели на Мо Ци, который с невозмутимым видом шел следом.

Чаншэн велел зверятам прибраться в доме, а оглянувшись, увидел, что практики всё еще топчутся на пороге. Неужели их смущает ветхость хижины?

— Ну же, не брезгуйте, — добавил он. — Скоро я здесь всё обновлю, а пока придется немного потерпеть.

Через пару дней задание будет завершено, и он сможет преобразить свою «закусочную».

Мо Ци окинул их коротким взглядом и, ничего не сказав, вошел внутрь. Практики вздохнули с облегчением, будто с их плеч свалилась гора. Группа была внушительная — около сорока человек. Чаншэн не мог нарадоваться: еще немного, и миссия будет выполнена.

— Сначала плата, господа. С каждого по пятьсот духовных камней.

Он рассудил, что для практиков это не деньги — вон Ли Хунгуан в прошлый раз и глазом не моргнул. Сумма для них суший пустяк.

Культиваторы переглянулись. Даже будучи готовыми к тратам, им было жаль расставаться с камнями. Лишь те, кто уже бывал здесь, платили без колебаний. Цена на духовную пищу кусалась — месячное жалование, как-никак, — но, помня о невероятном эффекте, они считали каждую кроху оправданной.

Столов на всех не хватило, поэтому Чаншэн разделил гостей на две группы: Ли Хунгуан с товарищами заняли один стол, а Мо Ци с остальными — другой. Места за столом с Мо Ци были удобнее, но практики проявили чудеса благородства и смирения, уступая их друг другу.

— Шисюн, садитесь вы. Ваша ступень самосовершенствования выше, вам там будет сподручнее, — с мягкой улыбкой произнес один из них.

— Ну что ты, шиди, что за речи! Хоть ты и вошел в орден позже меня, твой талант поразителен, ты вот-вот меня перегонишь. Там свет падает лучше, я уступаю это место тебе.

— Мы ведь братья по ордену, к чему эти церемонии? Слушай меня — садись там.

Слушая их, Чаншэн преисполнился глубокого уважения. «Истинные благородные мужи — добродетельны и великодушны. Мало того что вежливы, так еще и за место не сражаются. Вот какими должны быть настоящие бессмертные!»

Он воспользовался моментом, чтобы поучить уму-разуму своих подопечных:

— Посмотрите на них. А вы из-за каждой мелочи устраиваете такой кавардак, что пыль столбом стоит.

Рыжий кот построил невинную мордочку, думая про себя: «Если бы тебе пришлось есть бок о бок с Цюнци, ты бы тоже стал образцом смирения».

Дунфан Хаожань оказался среди тех, кому «посчастливилось» сесть за стол к Мо Ци. Глядя на того, он чувствовал исходящую от соседа ауру высокомерия и затаенной угрозы. Мо Ци, заметив на себе взгляд, медленно поднял голову. Он смотрел с таким равнодушием, что Хаожаню показалось, будто он заглянул в бездну вечных льдов.

Бедолага непроизвольно отпрянул. Он знал о Цюнци лишь по слухам: существо со взрывным характером, которое пускает кровь любому, кто осмелится его разгневать.

— Лавочник Цзян, — с натянутой улыбкой обратился он к хозяину, — а можно я... на улице посижу?

Чаншэн искренне удивился. Пусть их интерьер оставлял желать лучшего, но сервис-то должен быть на высоте! Как он может позволить гостю сидеть на земле?

— Конечно же нет, — отрезал он тоном, не терпящим возражений.

Мо Ци, вальяжно откинувшись на стуле, с интересом оглядел собравшихся:

— Вы что, боитесь меня?

У Дунфана Хаожаня волосы на затылке зашевелились.

— Никак нет! — выпалил он.

Чаншэн с недоумением посмотрел на побледневших практиков. Вспомнив их прошлую настороженность по отношению к Цюнци, он, кажется, начал понимать, в чем дело. А Мо Ци сидел рядом, и выражение его лица было трудно разгадать.

В какой-то момент Чаншэн вспомнил слова, сказанные тем на горе Тайцишань: «Я просто подумал... такие благодатные звери, как Луань-няо или Феникс, заслуживают всеобщей любви».

Глядя на то, как практики шарахаются от Мо Ци, Чаншэн невольно подумал: может, Мо Ци — это свирепый с виду зверь, который в глубине души отчаянно жаждет признания, но никак не может избавиться от клейма злодея? Словно хищник, который выглядит грозно, но втайне мечтает, чтобы его погладили?

Он отозвал Мо Ци в сторонку и прошептал:

— Когда я закончу с готовкой, помоги мне подать блюда. Перекинься с ними парой слов, будь дружелюбнее.

Обычно, если хороший человек совершает дурной поступок, его все осуждают. Но если тот, кого считают злым, сделает хоть что-то доброе, люди сразу думают: «А он ведь не так уж и плох».

Мо Ци посмотрел на него с нескрываемым изумлением:

— Мне... прислуживать им?

— Это твой первый шаг к тому, чтобы тебя приняли. Разве ты не хотел, чтобы тебя любили? — настаивал Чаншэн.

Мо Ци: «...»

Теплый свет падал на лицо Чаншэна, и в его прозрачных глазах, казалось, мерцали звезды. Он смотрел на зверя с абсолютной серьезностью.

Мо Ци криво усмехнулся:

— Кажется, ты кое-что путаешь.

Последовало недолгое молчание, а затем Мо Ци негромко произнес:

— Видишь ли, «мясника» почитают и боятся не за то, что он отложил нож, а за то, что он

достаточно силен. В этом мире единственная истина — это мощь. А малодушная доброта не стоит и ломаного гроша.

***

Чаншэн вошел в кухню.

Слова Мо Ци заставили его вспомнить свою прошлую жизнь. Он всегда старался быть хорошим, заботился о чужих чувствах, надеясь на признание, но всё выходило прахом. Возможно, Мо Ци прав.

Он открыл ключом термобокс, чтобы проверить припасы. Дорога была неровной, кое-что перемешалось, но ничего не разбилось. На обед он решил приготовить «четыре радости» — изысканные паровые пельмени. Свое название они получили за необычную форму: тесто защипывается крест-накрест, образуя четыре ячейки, в каждую из которых кладется начинка разного цвета.

Обычно для этой начинки используют курицу, кукурузу и овощи, но за неимением привычных продуктов Чаншэн решил использовать яйца, мясо, зелень и рис. Замешивая тесто, он добавил в него несколько яиц — так оно станет нежнее и вкуснее.

Яиц для всех порций не хватало, поэтому он достал мешочек, подаренный Луань-няо, и высыпал оттуда лесные плоды и яйца диких кур.

— Ого?

Из кучи на стол выкатилось яйцо странного, огненно-красного цвета.

«Что это за штука?»

Чаншэн с любопытством поднял его. По скорлупе пробежали алые узоры, и в тот миг, когда он коснулся его, яйцо будто легонько потерлось о его ладонь.

«... Может, Луань-няо дала его по ошибке?»

По законам жанра из такого яйца должен вылупиться какой-нибудь древний божественный зверь. Мысли Чаншэна потекли в ином русле. Он подумал: «А что, если я его съем?» Духовной энергии в нем наверняка прорва!

Он открыл котел, дождался, пока закипит вода, и с мягкой улыбкой опустил яйцо в кипяток. Божественные питомцы подождут — рост самосовершенствования важнее всего.

<http://bllate.org/book/17549/1709471>